

УДК 808.51

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ПРОСТРАНСТВО ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ (на материале романа/повести А.А. Зиновьева «Катастройка»)

А.А. Бернацкая

На данном этапе лингвистической разработки исследовательского поля информационной войны художественный текст – terra incognita. Для первого опыта выбрано сочинение яркой социально-сатирической направленности с признаками публицистики. Анализируются стилистические и композиционно-художественные средства и приёмы агрессивно-негативного представления общественно-политической ситуации в России эпохи перестройки. Предлагается модель структуры концепта «информационная война». Абсолютное доминирование враждебно-негативного модуса позволяет сделать вывод, что к данному произведению в полной мере приложимо понятие информационно-психологической войны.

Ключевые слова и фразы: информационно-психологическая война; манипуляция; приёмы дискредитации, дегероизации, абсурдизации, иронии.

A LITERARY TEXT AS SPACE OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL WARFARE (on the material of A.A. Zinovyev's novel "Katastroyka")

A.A. Bernatskaya

At this stage of linguistic research of information and psychological warfare, a literary text is terra incognita. For the first experience this publicistic text with bright social and satirical orientation is chosen. Stylistic and structural means and methods of aggressive and negative representation of the political situation in Russia during the perestroika are analyzed. The structural model of the concept "information warfare" is offered. Because of absolute domination of a hostile and negative mode of this novel, we could identify it as space of information and psychological warfare.

Keywords and phrases: information and psychological warfare; manipulation; methods of discreditation, deheroization, absurdity; irony.

Понятие информационной войны связано с формированием новой социально-экономической парадигмы – *информационного общества*, знаковым признаком которого стала особая роль знания и информации. Информационные и информационно-психологические войны (далее – ИВ и ИПВ) стали основным средством современной мировой политики, доминирующим способом достижения политической и экономической власти. «Благодаря современным технологиям и накопленному опыту даже геноцид можно вести без газовых камер и массовых расстрелов. <...> Большого успеха можно достичь, оболванивая народ, меняя его стереотипы и поведенческие нормы...» [Токарева 2006: 337–338].

Информационные войны – это «общее наименование целого комплекса разного рода и уровня мирных “военных” действий, ведущихся нетрадиционным способом, с опорой на использование культурных средств подавления логического мышления, разрушения его структур при направленном манипулировании информацией. Целью информационных войн становится либо навязывание <...> нужных манипулятору стереотипов мышления, либо <...> информационная дезорганизация, деформация и даже распад парадигм мышления, сознания, деятельности, разложение, развращение, отравление сознания» [Самохвалова 2013: 192–193].

Манипуляция, во-первых, вид духовного, психологического воздействия на психические структуры человеческой личности, во-вторых, это *скрытое* воздействие [Кара-Мурза 2009: 16]. Важным условием успешной манипуляции является разрушение психологической защиты человека, тех устоев, на которых держится его способность к критическому восприятию информации [Зелинский 2008: 197]. Объектом манипулятивных воздействий является сознание, точнее, картина мира в сознании индивида, определённой социальной, интеллектуальной, возрастной и т.д. категории людей или народа в целом как носителей определённого менталитета. Оружие ИВ и ИПВ – информация. Способ действия оружия – манипулирование информацией. Инструмент манипулирования – знаковая система, преимущественно, естественный язык. Цель – добиться способности управлять поступками, деятельностью другого лица / совокупности других лиц. В структуру концепта ИВ и ИПВ входят компоненты: **актор** (индивидуальный или институциональный субъект воздействия); **инициатор** «военных» действий, если им не является сам актер; **адресат** воздействия (индивид, некое сообщество, объединённое политическими, гендерно-возрастными, профессиональными и т.п. признаками, например, электорат или народ страны в целом); **объект** (сознание, точнее, область картины мира адресата, на изменение которой направлены манипулятивные действия актора); **мишень** (феномен реальной действительности, представление о котором в сознании / картине мира адресата намеревается изменить актер-манипулятор).

Не подлежит сомнению, что одной из ключевых задач информационной войны в западной геополитике является ослабление, а в идеале – исчезновение с карты мира России как самостоятельного государства. Это чётко прописано уже в Директиве Совета Национальной Безопасности США от 18.08.1948 в обширном разделе «Задачи в отношении России». Откровенно говорилось, что «максимальной целью» США является стремление «к полному распаду и исчезновению Советской власти» [Директива... 1948: 17–18]. Главным

инструментом достижения цели в этой информационной, точнее, информационно-психологической войне естественным образом служит **язык**. Но при этом он и сам неминуемо становится объектом манипулятивных (деструктивных) действий. И это, уточним, являет собой и крайнее выражение деэкологизации языка, – не меньшее преступление против человечества. Ответственная социальная миссия филологов – исследовать, разоблачать практику антироссийской информационной войны, как внешней, так и внутренней, вооружать граждан страны знаниями и способами противостоять деструктивной политике антироссийских сил.

Приступая к решению обозначенной в заглавии статьи задачи, необходимо прежде остановиться на правомерности самой постановки вопроса. На первый взгляд, понятия художественного творчества и войны интенционально несовместимы. Тем не менее, представление об информационных войнах вначале появилось именно в художественной литературе, например, у фантаста С. Лема [Расторгуев 2003: 106].

Художественное творчество относится, наряду с политикой, религией, правом, этикой, к ведущим семантическим сферам, обслуживающим идеологию [Политическая коммуникативистика 2012: 214–215]. В советском обществе художественная литература была «главным медиумом идеологии» [Кризис литературоцентризма 2014: 35]. В тяжёлый для России постперестроечный период художественное творчество под мощным влиянием идеологов и политехнологов Запада нередко превращается в мощное средство антироссийской агрессии. В яркой форме это отражает так называемая «доктрина А. Даллеса»: «Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые... <...>. Литература, театр, кино – всё будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, – словом, всякой безнравственности. <...> Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу – всё это мы будем ловко и незаметно культивировать» [Лисичкин, Шелепин 2013: 90].

Подлинная литература должна служить реальным противовесом разлагающему влиянию на умы и души россиян СМИ и массовой культуры в целом. Не утратили ценности слова Сталина о том, что «писатели – инженеры человеческих душ» и Е. Евтушенко о том, что «поэт в России больше, чем поэт». Это напоминания о большой ответственности писателей за то, что они несут в сознание, душу, мораль потенциального читателя, какую

ценностную шкалу содержат их произведения, какую жизненную ориентацию дают, за то, как, в конечном итоге, «слово наше отзовется». Наибольшей степени информационное воздействие – в произведениях ярко выраженной социальной направленности. В этой дискурсивной области не исключено явление, когда суммарный воздействующий эффект произведения оказывается во многом отличным, если не вовсе противоположным авторскому замыслу.

Автор анализируемого произведения А.А. Зиновьев (1922–2006) – учёный-логик, социолог и социальный философ, публицист, писатель. В 1976 г. за публикации в «Самиздате» и за границей, «не соответствующие идеологическим нормам», был выслан в ФРГ. Однако диссидентом себя не считал и в 1999 г., после восстановления в российском гражданстве, вернулся в Москву, мотивировав этот шаг невозможностью для него «находиться в лагере тех, кто уничтожает мой народ» (тема «западнизации» – одна из ключевых в постэмигрантский период творчества). «Катастрожка. Повесть о перестройке в Партграде» написана в период эмиграции, в Мюнхене, в 1989 г. Литературный жанр этого произведения автор в Предисловии к российскому изданию определяет как «*хроникально-социологическую повесть*». Многие исследователи его творчества относят этот труд к наиболее плодотворному для автора, как они полагают, жанру *социологического эссе*. Ю.Б. Балашова предпочитает говорить о «*социально-философском публицистическом романе*» [Балашова 2014: 188]. В автобиографической повести автор относит всё своё литературное творчество «с очень большими оговорками» к *социалистическому реализму*, полагая, что «довёл его до логического конца, придав ему вид сознательной литературно-логической концепции» и создав жанр *социологического романа*, отличного от *социальных романов* образца Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского [Зиновьев 2005: 260].

Неоспорима публицистичность «Катастрожки». Более того, при чтении возникает мысль о *палимпсесте*. Художественная словесная ткань с ярко выраженным пародийно-сатирическим характером неравномерно прерывается относительно небольшими фрагментами с ярко выраженными признаками аналитических жанров публицистики, подчёркнуто контрастирующими по стилистике (эмотивно-экспрессивная нейтральность). Такой гибридный характер имеют даже разделы, озаглавленные как «Комментарий». Пример чисто публицистического стиля – раздел «Коммунистический кризис» (С. 59–62).

Сам автор в биографической повести так определил новый вектор своего творчества и стиля: «Высмеивать святыни марксизма и основы коммунизма стало моим призванием. <...> Но высмеивать со смыслом. <...> Мои шутки принимали обычно гротескно-сатирические

формы» [Зиновьев 2005: 191]. И далее: «Критическое отношение к реальности и к любым идеалам переустройства общества стало доминирующим в моих умонастроениях. Дух разоблачительства, скептицизма (sic! – А.Б.) и насмешки завладел моими мыслями и чувствами» [Там же: 204]. Пейоративно-уничижительный модус «Катастройки» заключён уже в контаминированной структуре названия повести. Авторское объяснение: «Кто-то узнал, что слово “перестройка” на греческий язык переводится словом “катастрофа”. На этой основе возникло новое слово “катастройка”» [Там же: 69].

Символическое название места действия – «Партград» – указывает на то, что это модель всей «перестроечной» России. Все персонажи скорее маски, чем образы. Индивидуальные черты личности имеет разве только «Маодзедунька». Мишенями авторской агрессии стали представители власти, коммунистический строй, коммунистическая партия, реформаторы, либералы, демократы, консерваторы и оппозиционеры, партия зелёных, русский народ, его менталитет, национальные традиции, исторические события и мифология, православие, интеллигенция и диссиденты, КГБ и армия. Страница за страницей демонстрирует, что автор утратил всякое чувство меры, кощунственно обращая свой всеуничтожающий пыл и на ставшие святыми факты российской истории. Разрушительный эффект такого подхода суммарно представлен В.И. Самохваловой. «Информационно-смысловой удар дезориентирует человека; информационно-эмоциональный – разрушает его способность к адекватному восприятию <...>; информационно-нравственный – разрушает в человеке прежние нормативные представления о добре и зле, и, наконец, информационно-исторический удар приводит к тому, что человек перестаёт понимать, кто он, и начинает забывать свои корни. Человек теряет все свои оболочки, наращенные в нём культурой, и оказывается лишенным традиции и почвы атомом» [Самохвалова 2013: 203].

Факты далёкой и недавней истории России стали одной из ведущих мишеней агрессивной критики в сочинении Зиновьева. При описании исторических личностей и событий реализуется стратегия **дегероизации**. В коммуникативно-тактическом плане способом достижения замысла автор избрал *социально-нравственную деградацию* исторических личностей и событий. Для этого выгодно перевести обсуждение с высшей ступени социальной лестницы на общедоступную заземлённо-бытовую плоскость, уравнивающую Мастера и ученика, гения, пусть и заблуждающегося, и мещанина, пророка и преступника; с языка философской полемики на язык ярмарочного балагана. Это **«физиологизация»** как вариант бахтинской карнавализации: приём тактики «перевод социального, общественно значимого в бытовую плоскость». В понятийной системе

Ю.И. Левина приём можно отнести к разновидности **модальных, или модусных преобразований**. Ареной беспощадного пародирования становится бытовая сфера. Здесь можно разгуляться самому низкопробному натурализму, дать волю физиологическим процессам. На языке тюремного криминала это задача «опустить» объекта социальной критики. «Опущенный» в криминальной среде навсегда теряет лицо, имя, становится «неприкасаемым», не достойным уважения самого ничтожного из людей; он навсегда вычеркнут из жизни социума. Это *десоциализация* личности. В качестве тактик используются также фальсификация исторических фактов, хронологические сдвиги, детабуизация. Используются приёмы окарикатуривания, шаржирования, гротеска, абсурдизации. Средством дегероизации служит и фольклор (иногда это довольно скабрёзные **анекдоты** о человеческих слабостях, низменных наклонностях вершителей российских судеб – Горбачёва, Брежнева, Хрущёва, Ельцина; **частушки** на злобу дня – сатира от имени «народа»).

В качестве языковых средств дегероизации выступают экспрессивно-оценочные антропонимы и прозвища с пейоративной коннотацией. Деятели высшего эшелона фигурируют под собственными именами, партактивисты среднего звена представляют зооморфную лексику (*Сусликов, Пыжиков, Коровин, Тёлкина*) или имеют подчеркнута бытовую этимологию (*Портянкин, Корытов, Жидков, Горбань*). Есть персонаж с фамилией *Рылов*. Исторический персонаж князь Ярослав (или Святослав) переименован в *Пустослава*. Р.М. Горбачёва именуется «*Горбачушкой*» (языковая игра на двусмысленности: с одной стороны, уменьшительно-ласкательный суффикс – ушк, с другой, просторечно-грубое «чушка»). Бывшая колхозница Тёлкина «за *пристрастие к волюнтаристским методам руководства*» получила прозвище «*Маодзедуньки*». А потом «она стала поклонницей *Бухарина*, и её стали называть *Бухариком*, намекая на *пристрастие не только к идеям Бухарина, о коих она знает понаслышке, но и к алкогольным напиткам*» (С. 56).

До фарсово-анекдотического уровня низводится героическая страница освобождения от татаро-монгольского ига: *Жители города открыли ворота <...>, дружно наложив в штаны <...> и вынесли огромного размера хлеб-соль... Но татаро-монголы, утраившись зловония* (здесь и далее в цитатах выделено нами – А.Б.), *исходившего из города и приняв хлеб-соль за Троянского коня, ускакали прочь* (С. 26). Киевский князь Владимир «колебался, принимать христианство или мусульманство, – он не знал, какая между ними разница. Узнав, что партградцы приняли христианство, он возмутился таким нахальством и присвоил приоритет себе» (С. 25). Князь Игорь «задолго до Петра Великого задумал

прорубить окно в Европу. Но он ещё не знал, где эта Европа находится, и прорубил его не в ту сторону, а именно – в Азию» (С. 25–26).

Беззастенчивая фальсификация фактов далёкой древности сопровождается развязной тональностью народной байки. Пётр Первый именуется «Великим», «великим реформатором», но возвышение в имени лишь усиливает, в силу контраста, анекдотически – комический эффект: *«До Петра Великого партградцы ходили без штанов. Пётр приказал покончить с этим варварством и прислал в Партград иностранцев. Партградцы иностранцев прогнали, сняв с них штаны и всыпав по голым задам по сто ударов хворостинной. Пётр рассвирепел и погрозился отрезать у тех, кто будет ходить без штанов, половые органы»* (С. 26–27). – Эпизод вымышленный: Пётр бороды срезал. В понятийной системе «способов искажения истины, т.е. лжи и сходных с нею семантических явлений» Ю.И. Левина – это фингирующий тип: введение в ситуацию «посторонних» предметов и/или событий, построение новой, фиктивной действительности [Левин 1998: 596–597]. Лишён героизма Иван Сусанин: поляков спас от партградской трясины *«безвестный крестьянин...<...> Но было уже поздно. Поляки завязли в трясине социализма по уши независимо от Партграда»* (С. 26). Сатирический эффект сарказма создаётся за счёт хронологического сдвига, языковой игры на разных значениях лексемы «трясина».

Автор кощунственно-ёрнически глумится над партизанским движением в годы ВОВ и над ролью партии в его организации: *«Во время войны 1941–1945 годов с Германией в Партграде подготовились к оккупации. <...> Создали мощные партизанские отряды. Для них построили на трясине капитальные базы, в которых партизаны могли бы просидеть всю войну, дабы потом рассказать потомкам о своих героических подвигах. Руководителем партизанского движения назначили Митрофана Лукича Портянкина. Для маскировки такого ответственного поручения Митрофан Лукич был назначен командиром гарнизонной бани и вошебойки. <...> Впоследствии Митрофан Лукич по примеру Брежнева написал книгу “В тылу врага”. Но его конкурент обратил внимание на то, что название книги двусмысленно, область оставалась в нашем, а не во вражеском тылу. И книгу потихоньку изъяли...»* (С. 31). – Что не помешало автору стать лауреатом государственной премии за эту книгу (С. 54). Эффект достигается **стилистическим контрастом** между официально-деловой тональностью начальной части каждого микроблока и смеховой, иронически-саркастической – финальной части тематического блока, ретроспективно опустошающей денотативное содержание первой. Ярko контрастируют выражения *«героические подвиги»*,

«ответственное поручение», с одной стороны (стилистическая нейтральность, положительная оценочность) и «гарнизонные бани и вошебойка» (лексика профессионально-армейской подсистемы языка с просторечно-армейским неологизмом иронической оценки) – с другой. Мнимая достоверность создаётся сочетанием имени вымышленного носителя негативной информации и реального исторического персонажа (Л.И. Брежнев). В этом тематическом блоке автор позволил себе святотатство по отношению к великому подвигу женщин в ВОВ: тот же персонаж сделал карьеру тем, что «устраивал высокому воинскому начальству *попойки с “бабами“ (т.е. с девчонками связистками, зенитчицами, санитарками) в особом отделении бани*» (С. 54). Пренебрежительно-просторечные «баба», «девчонки», «попойка» преступно неуместны: около полумиллиона женщин были участниками боевых действий. Героями Советского Союза стали 86 женщин, около 150 тысяч награждены орденами и медалями.

Используя приём **гибридизации реального исторического факта с вымыслом** (в концепции Ю.И. Левина – «фингирующий» тип искажения истины) и в фантазмагорически-гротескно-пародирующей тональности жанра буффонады передавая содержание якобы-спектакля по якобы существующей пьесе на материале эпопеи «Красное колесо» (переименованного в «Кровавое колесо») А.И. Солженицына, автор глумится и над Сталиным, и над ставшим символическим обращением Сталина к русскому народу в критический момент истории страны, зачёркивая его роль в победе над фашизмом: «*Сталин спрятался под землю, плачет, дрожит от страха, кричит “Братья и сестры, спасите меня!” <...> Гитлер... терпит поражение. Узнав об этом, Сталин вылезает из-под земли, присваивает себе плоды победы...*» (С. 158).

В этом фрагменте на агрессивно-сатирический эффект «работают» **хаотическое перечисление** (политических деятелей разных эпох и народов: на сцене «*помимо малоизвестных сталинистов фигурировали также Брежнев, Черненко, Громыко, Гришин, Робеспьер, Марат, Кромвель, Маодзедун, Хомейни и даже Гитлер*»); **деметафоризация** (Сталин запихнул Ленина в гроб и заколотил крышку гроба огромными гвоздями: ср. метафору «загнать кого-либо в гроб», т.е. «довести до смерти»). Фигура Сталина символизирует завершение ленинского этапа революции, начало искажения идей марксизма-ленинизма, переход к репрессивному периоду); **гипербола вплоть до гротеска** («*Робеспьер вместе с Берией вкатил на сцену гильотину и начали рубить головы ленинской гвардии. Головы катились со сцены в зрительный зал*»; «*Сталин приказал арестовать и расстрелять всех офицеров, генералов и маршалов Красной Армии, за исключением самых глупых*»).

Драматическая пауза в конце спектакля длилась полчаса. *«Газеты потом писали, что это было самое сильное место не только в спектакле, но и в советской драматургии вообще»*).

Лингвистическим маркером ИПВ фрагмента служит лексика. Это преимущественно просторечная лексика со стилевыми признаками *«грубовато»*, *«вульгарно»*, неуместная по отношению к характеристике общественно-политических деятелей высочайшего ранга: Актёры *«шлялись»* по залу, *«выволакивали»* пожилых людей; *«улюлюканье»* актёров; актёры *«вопили»*; *«вонючие артисты»*. *«Актёры были одеты в грязные и вонючие костюмы <...> От зловония многим зрителям становилось дурно»*. Сталин – *«бандитская морда»*. Троцкий о нём: *«“Шлятуются тут всякие!” Сталин сверкнул жёлтыми глазами... и проворчал с акцентом: “Погодите, я вам покажу, где раки зимуют!”»*; *«Сталин вылезает из-под земли»*; *«Соратники “крутились” вокруг Ленина в гробу. Ленин “кричал” из гроба»*. *«Сталин спрятался под землю, плачет, дрожит от страха»*; Сталин *«стал корчиться и упал бездыханным»*.

Горбачёв, главный творец «катастрожки», при первом появлении в книге иронически представлен не как политический деятель, а как лицо мужского пола, имеющее *«репутацию самого сексибельного мужчины на планете и обладателя самой очаровательной улыбки, – по крайней мере в смысле улыбок мы догнали и перегнали США»* (С. 8). Далее уничижительная оценка генсека выражается в откровенной инвективе *«дурак»* (С. 59). Одним единственным словом из анатомо-физиологической области представлен ничтожеством один из его сподвижников-карьеристов: *«Скорее всего город будет назван именем Сусликова, который прошёл в Партграде путь от рядового сперматозоида до Первого секретаря Областного комитета партии»* (С. 23). Убийственный сарказм усиливается торжественной тональностью клишированной структуры. «Физиологизация» социального как приём представлена историей с «анальными речами»: *«Более опасным врагом советского строя в области оказался слесарь-водопроводчик. Он ухитрился записать на кассету звуки, издаваемые руководителями области в туалете <...> В руководстве области началась паника. Одна Маодзедулька отнеслась к истории спокойно. – Пусть приходят ко мне после обеда, – говорила она, похлопывая себя по необъятному заду, – я им такую музыку выдам, что ихние Бетховены и Пикассы сразу заткнутся. <...> Начальник областного управления КГБ Горбань заявил, что если бы туалетные звуки высших руководителей предали широкой гласности, то советская власть не продержалась бы и года»* (С. 47).

Карьера одного из персонажей романа М.Л. Портянкина пролегла через баню: *«Портянкин устраивал высокому воинскому начальству попойки с “бабами”..., чем завоевал популярность в армии. В портянкинской баньке не раз парился Брежнев. Войну Портянкин закончил с десятком орденов и в чине подполковника. После войны <...> был удостоен звания Героя Социалистического Труда. <...> Став во главе партии и государства, Брежнев вспомнил о том, как парился в портянкинской баньке, и взял его в аппарат ЦК КПСС. <...> В связи с тридцатилетием победы над Германией стал Героем Советского Союза за выдающиеся заслуги и личный героизм в войне»* (С. 54). – Так представлена в романе модель формирования властных структур советского государства. Попутно дискредитации подвергаются государственные символы – награды.

Ещё одна распространённая тактика попадания во властные структуры – «подкормить» безмерное тщеславие партийного босса **лестью**. Гарантированный успех сулит использование стилистической / риторической фигуры восходящей **градации** – **климакса**: *«– На Западе, Михаил Сергеевич, Вас сравнивают с Петром Великим, прорубившим окно в Европу. Я думаю, что они Вашу роль преуменьшают. Вы прорубаете не окно, а двери на Запад. Даже не двери, а ворота! А ещё точнее говоря – стену проламываете. Можно сказать, ломаете Китайскую стену...»* (С. 101).

Зиновьев следует двум укоренившимся **мифам о русском этносе** [Мединский 2012: 101]: **нечистоплотности и неискоренимости пьянства**. Картина мира «совка» – это *«Партград с его грязными и серыми улицами, пустыми магазинами, бесконечными очередями, неистребимыми пропойцами и прочими атрибутами советского образа жизни»* (С. 127). Одним из атрибутов мира «совка» была квартира в доме, построенном *«ещё в хрущёвские годы в соответствии с принципами: совместить кухню и столовую с туалетом и ванной, спальню с прихожей, потолок с полом»* (С. 150). – Пародия доведена до абсурда.

«Западные люди» (понимай: цивилизованные народы!) могут поговорить о *«коммунистическом земном рае», «но жить в этом раю они предоставляют народам внеисторическим, русским в первую очередь. Последние привыкли жить по-свински»* (С. 28). – Мимоходом и ненароком, без каких-либо размышлений и обоснований, Зиновьев «заодно» лишает русский народ, Россию истории!

На заре перестройки появились слухи о том, что на Западе говорят о наступлении посткоммунистической эры в России. *«Рядовые партградцы остались равнодушными к ним. Им было безразлично, как называется то свинство, в котором они жили испокон веков и*

обречены жить до скончания века – крепостничеством, военным коммунизмом, развитым социализмом или посткоммунизмом» (С. 168). Экономным и эффективным средством пейоративной выразительности выступает **синтактико-семантический приём перечисления**. – «Свинство» представлено «общим знаменателем», собирающим в один синтаксически однородный ряд совершенно разные этапы общественно-политической истории России: у России нет истории, есть только грязь. Тот же эффект достигается с помощью **каламбура**: В области трубили об успехах в области сельского хозяйства. В то же время совсем **исчезли свиньи**. «*Зато в области расцвело всеобъемлющее и всепоглощающее свинство*» (С. 35). Руководители области мечтали, о том, чтобы на построенных иностранцами заводах и работали иностранные рабочие: «– *А то наш брат-Иван и на западной технологии разведёт наше отечественное свинство*» (С. 146). Высмеивая традицию винить в русских трагедиях других, в том числе евреев, даже их малочисленность в Партградской области приписывали их хитрости: «*мол, в такую глушь, как Партград, они не хотят поселяться. Это, мол, только всетерпеливые русские могут жить в таких скотских условиях*» (С. 91). Используя несобственно-прямую речь («мол»), автор манипулирует восприятием адресата-читателя явно в духе ИПВ, подавая личное мнение как «глас народа». Покорившись «великому реформатору» – Петру I, партградцы «*стали носить домотканые порты, не снимая их даже тогда, когда справляли естественную нужду*» (С. 27).

Пьянство представлено отличительной чертой этноса и русскоязычной картины мира. «*Только по перерытым улицам, по длинным очередям и по валявшимся на тротуарах пьяным Сусликов узнал бывший Партград*» (С. 13). Сталин якобы когда-то сказал, что «*если пролетариат перестанет пить, то социализма нам не видать, как своих ушей*» (С. 70). Когда партия начала борьбу с пьянством, «*трудящиеся пьяницы, однако, стойко отстаивали свои позиции, завоеванные в течение многих десятилетий беспробудного пьянства. Их ряды неуклонно расширялись*» (Там же). Едкая ирония создаётся нарушением семантической валентности в группе подлежащего, контрастом общей пафосной тональности высказываний и семантикой дополнения. «*Смерть Сталина партградцы отметили двойным запоем. Первый запой был с горя. Длился он две недели. Вторым запоем был от радости. Длился он тоже две недели*» (С. 32). Синтаксический параллелизм двух микроблоков с антонимическими ремами (**антитеза**), с повтором второго высказывания в составе СФЕ, создаёт ложный, но инициируемый автором эффект универсальности, незыблемости явления.

Государственные мужи отнюдь не были исключением из правил. **Абсурдизация** [Кравченко 2010] на основе **приёма алогизма**, а именно, на базе отклонения от закона противоречия [Сковородников 2003: 36] как утверждение изначально провальной безалкогольной кампании – тост секретаря ЦК Сусликова: *«Ну, давай выпьем за трезвость!»* (С. 71). Тот же Сусликов, беседуя с Горбачёвым, отхлебнул глоточек чая и поперхнулся *«с непривычки к безалкогольным напиткам»* (С. 10). В шутовском комментарии эпизода автор в стилизованной под этот субжанр манере иронически признаётся, что допустил две неточности в описании персонажа. *«Первая неточность: Пётр Степанович на самом деле не пил чая, тем более – вместо водки. Он всегда пил водку вместо чая. И от этой привычки его не избавил и период Великой Трезвости»* (С. 11). Фигура **хиазма** и иронический окказиональный хрононим на фоне стилизованной бесстрастности придают ироническое звучание и лёгкость стиля авторской речи. Объявившие «Великую Трезвость» партийные боссы воспринимают её как личную и национальную драму: *«Доживи их отцы и деды до этого времени и узнай об этом, они сочли бы это изменой русским национальным традициям и происками масонов и сионистов»* (С. 8). Имплицируется мысль об отсутствии у русского народа положительных национальных традиций и о неготовности народа самим делать свою историю, не перекладывая вину за все невзгоды на внешних врагов и обстоятельства. Разрушительная сила идеи завуалирована шутовой тональностью, что позволяет рассматривать речевой акт как тактику ИВ – «вброс информации».

В.Р. Мединский по поводу двух рассмотренных и других уничижительных мифов, «придуманных нашими недоброжелателями» и «со странным энтузиазмом подхваченных нами», пишет: *«У нас заминированное сознание. <...> Мифы опаснее нашествия Наполеона и плана “Ост” Гитлера»* [Мединский 2013: 19].

Магистральная стратегия повествования – **дискредитация**. Простейший способ дискредитации властных структур – едкая ирония словосочетаний с атрибутами «великий», «выдающийся». Не поспешил автор и на экспрессивные оценки-пейоративы: обценная лексика (в том числе повтор парафразы *«знаменитое русское слово из трёх букв»*); бранная лексика: *мерзавцы, сволочи, дурак, стерва, дерьмо, идиоты, «партийные трепачи», «помойка»* (о России), *проходимец, бред сивой кобылы*. Мишенями дискредитации стали коммунизм, многие бытовые и идеологические реалии советской эпохи. Излюбленные тактики – пародирование, шаржирование, доведение пародии до абсурда, приём физиологизации.

Ключевым символом неизбежности крушения строя, изначальной порочности идеи коммунизма в повести выступает **образ трясины**. В главе «Освоение трясиновых земель» (аллюзия на освоение целинных земель) автор пишет: *«На территории области расположена самая большая в области (а может быть и в мире) болотная трясина. <...> Внешне трясина выглядит весьма привлекательно: трава, цветы, ягоды, кустарники, полянки. Прямо-таки природный рай. Но если вы по неведению или по неосторожности туда забредёте, вы обнаружите, что это райское обличье прикрывает бездонную вязкую грязь. <...> И вы исчезнете навечно и бесследно»*. Пространственная конкретика имплицитно подразумевает исключительность российского пути. Контраст формы и содержания, философских категорий явления (рай, райское обличье) и сущности (болото, трясина, неминуемая гибель) внушает читателю мысль о том, что это был путь изначально ошибочный, неукоснительно ведущий к гибели. Фрагмент завершается саркастическим каламбуром: *«Все попытки освоения трясиновых земель глотали в трясине бюрократизма»*. Усиливая глубинный смысл метафоры, автор добавляет, что именно на этой трясине строились планы построить *«ещё более грандиозное и светлое здание коммунизма, чем то, которое западные империалисты помешали нам воздвигнуть на сухом месте»* (С. 34–35). В завуалированной форме звучит мысль о преувеличении роли Запада в крушении советской власти.

К абсурду сведен принцип коммунизма «Каждому по способностям, каждому по потребностям» (К. Маркс). Жители города с гомерическим хохотом комментируют речь первого секретаря обкома партии: ухудшилось продовольственное снабжение, – но *«оно всегда было хуже не придумаешь»*; упала производительность труда, – но *«ниже падать ей уже некуда было!»* и, наконец, что *«в области возросло пьянство. Тут уж партградцы даже хохотать не могли.<...> – Чем они там сверху думают, идиоты, – хрипели они, когда спазмы веселья слегка ослабевали. – Пьянство в области давным-давно достигло высшего предела,... выше которого подняться нельзя даже при самом сильном желании.<...> Разве за счёт покойников можно чуточку выше подняться. Советские покойники действительно не пьют. Пока не пьют. Не пьют, поскольку им не подносят, хотя страна и шагнула в развитый социализм, до полного коммунизма всё ещё не докатилась. Это при полном коммунизме всем покойникам будут выдавать по пол-литра водки на день»* (С. 65–66). С целью акцентирования в сознании адресата представления о пагубных явлениях в стране как объективного автор передаёт роль актора-информатора анонимному собирательному субъекту, – «гражданам города»: сильный ход ведения ИПВ.

Лейтмотив перестройки как катастрофы и хаоса гротескно передаётся приёмом **хаотического перечисления** в конце повести. Бывшие лагеря для заключённых *«передали в концессию западным фирмам, которые наладили там производство наркотиков, проституток, абстракционистов, демократов, народных депутатов и прочих атрибутов перестройки»* (С. 177). Можно сказать, последний гвоздь в идею перестройки и идеи коммунизма в целом вбили *«труженики загробного мира»*. Включившись в *«перестройку... на порученном им участке строительства коммунизма»*, сотрудники Похоронного комплекса в ответ на решения ЦК КПСС *«взяли на себя социалистическое обязательство увеличить производительность своего предприятия вдвое»*. Скупив всех покойников в соседних населённых пунктах (аллюзия на поэму Гоголя), они победили в общесоюзном социалистическом соревновании. На совещании были внесены ценные предложения: с целью экономии средств *«хоронить покойников в целлофановых пакетах, предварительно расчлняя трупы на мелкие куски»*; *«делать могилы не горизонтальные, а вертикальные»*; *«прессовать покойников»*, так что их *«можно будет помещать в спичечные коробки»* (С. 102–105). – Абсурдизмы, достойные голливудского триллера! Пародированием стиля советских СМИ с набором определяющих идеологических клише вкупе с серией абсурдизмов автор создаёт уничижительно-пародийный образ советской, коммунистической идеологии и её носителей.

Окончательным уничтожительным вердиктом советскому строю звучит вывод, согласно которому *«коммунистическое общество организовано так и функционирует по таким объективным законам, что оно гораздо лучше справляется с проблемами имитации дела, чем с проблемами самого дела»*. Язвительная ирония достигает саркастического **эффекта обманутого ожидания** в его предельной степени **противоречия** между этим лейтмотивом раздела и его заголовком – «Великая история» (С. 178–179). Такой контраст ведёт к формированию, может быть, самого эффективного средства показать деградацию системы: к **десемантизации** и **десемиологизации** (ср. «семиозис») базисных лексем коммунистической идеологии. Помещённые в определённый словесно-смысловой контекст, они теряют смысл, обесцениваются, опустошаются: при сохранении означающего утрачивают означаемое. Знак становится односторонним, но ни на что не указывающим, символизируя бессмысленность реформ, власти, управленческой системы. Яркой иллюстрацией может служить описание истории очередной идеологемы *«маяк перестройки»*: *«...заранее всем известно, что эти “маяки” сплошная липа»* (С. 20). Понятийно-семантическая пустота заглавного слова «перестройка» ярко

продемонстрирована посредством субжанра **политического анекдота**. – Появились намёки на то, что термин перестройки Горбачёв позаимствовал у Бухарина. *«В связи с этой историей возник анекдот. На том свете встретились Хрущёв и Брежнев. Они спросили друг друга, строили ли они что-нибудь. Получив отрицательный ответ, они изумились: так что же перестраивают горбачёвцы?!»* (С. 164). Та же идея передана описательно в ироническом предтексте: *«Обсуждали меры по перестройке всего того, что ещё не начали строить»* (С. 157).

В пародийно-ёрническом ключе автор расправляется с понятием **рабочей династии** (С. 47–49). В том же ключе автор злословит, частично справедливо, над **отечественными историками, псевдо-учёными**, нередко в пылу локального патриотизма и движимые конъюнктурно-карьерными устремлениями, ухитряющимися на пустом месте сделать «эпохальное открытие». Ёрнически пародируя структуру научной аргументации, автор «снимает» последние сомнения в том, что именно в Партграде «умер от укуса змеи» киевский князь Олег: *«Во-первых... Во-вторых... В-третьих, змею могли подбросить враги Олега... А что касается железных штанов, то змея могла подкараулить князя в тот момент, когда он спустил железные штаны, чтобы справить естественную нужду»* (С. 21–22). Далее последовало «открытие», что именно в Партграде принял крещение Игорь, внук Олега. *«Согласно газетам, этот Игорь был реформатором вроде Горбачёва. <...> На дворце князя красовался лозунг: “Да здравствует феодализм – светлое будущее всего человечества!”»* А на первом христианском храме водрузили лозунг: *«Вперёд к победе крепостничества!»* <...> *Тогда-то впервые в мировой истории появилось слово “гласность”. Его образовали от слова “голосить”, означавшего истошные вопли, от которых даже мёртвые ворочались в гробах»* (С. 25). Средствами достижения пародийных эффектов служат приёмы физиологизации, перефразирования идеологических клише и ложная этимологизация.

Аллюзия на «Велесову книгу» – ещё один повод для уничижительной оценки российской науки как лженауки: *«Учёные расшифровали письма и выяснили, что письменность на территории Партграда возникла задолго до Древней Греции и даже Египта. Первыми словами предков жителей Партграда были ругательства <...>. Прогрессивные советские лингвисты (структуралисты) развили целую теорию, согласно которой русский мат является самым древним праязыком в истории человечества. Особо прогрессивные учёные пошли ещё дальше в своих дерзаниях: они обнаружили зачатки мата уже у партградских коров, овец и даже кур»* (С. 24). Сатирический эффект усиливается

фигурой **градации (антиклимакс)**, интенсификаторами «особо», «даже», контрастом позитивно-оценочных слов «прогрессивный», «дерзания», общей тональности научного стиля и очевидной **абсурдностью** финальной части оценочного высказывания. Карикатурно-гротескно представлена тема идеологизации советской науки: *«Партградские историки выдвинули гипотезу, будто легендарный Илья (Муромец – А.Б.) был на самом деле уроженцем не Мурома, а Партграда <...> Обком партии одобрил инициативу партградских учёных, и гипотеза превратилась в теорию»* (С. 139).

Неоднократному осмеянию автор подвергает псевдонаучный характер **отечественной статистики**. Партградский университетский историк *«произвёл самые дотошные расчёты с целью показать грандиозность исторического процесса в данной точке планеты»*. В многотомном труде перечислялось, *«сколько каши и щей сожрали партградцы с момента зарождения человека в этих краях до Октябрьской революции, сколько они износили лаптей и зипунов, сколько экскрементов исторгли из себя в окружающую среду»* (С. 27–28). Гротескно-сатирический эффект создаётся контрастированием лексики первого высказывания (научный стиль, оценочность высшей степени положительности: «грандиозность») и пародирующей лексики второго предложения (грубовато-просторечный глагол *«сожрать»* с далёкими от научной сферы объектами, сочетание продукта жизнедеятельности живого существа с глаголом высокого стиля *«исторгать»*).

Статистика используется и как средство пародирования типично советских рапортов об «очередных успехах»: все под девизом «догнать и перегнать»: *«При Хрущёве и при Брежневле поток всеобщего прогресса захватил и Партградскую область. Средний рост жителей увеличился на два сантиметра, а средняя высота домов – на два этажа. Такой темп роста города сопоставим с темпами роста Нью-Йорка, Токио и Нью-Мексико»*. (С. 32–33). Пародийность создаётся несоответствием тезиса (прогресс) и его смехотворным обоснованием (разновидность **антифразиса**). Пример использования статистики как пародии на доказательство «тлетворного влияния Запада»: С Запада пришла мода на джинсы и бороды. Как следствие, *«Девушки стали терять невинность на три года раньше, чем до войны. При этом они в два раза реже беременели»* (Там же).

Пародируя любовь властей к статистике, имитируя бесстрастную объективность регистратора фактов, автор в числах, строго следуя языковым шаблонам «деревянного» языка советской бюрократии, рисует картину первого дня перестройки: *«В этот день в городе было прогулено без уважительных причин 80 000 человеко-часов, допущено 50 000*

случаев производственного брака, подобрано на улицах 2000 бесчувственно пьяных граждан, совершено 8000 хулиганских поступков и 400 крупных краж..., сделано 800 аборт, осуждено 2000 граждан на малые и большие сроки, дано и взято 20 000 взяток, произнесено 10 000 партийно-комсомольских речей... Короче говоря, был обычный полноценный день советской жизни, полный радостей и огорчений, успехов и неудач, приобретений и потерь» (С. 64–65). Эффект пародирования создаётся использованием безличной страдательной формы глагола, дающей возможность исключить субъекта действия, тем самым представить все негативные события в стране как «стихийные», за которые никто не несёт ответственности и наказания; хаотичностью обширного перечислительного ряда, вобравшего явления самых разных жизненных сфер; гипертрофированной точностью и избыточной конкретикой. Завершающее высказывание связано с предыдущим по принципу эффекта неожиданности, представляя нагромождение подчёркнуто негативных, большей частью криминальных событий как типичную модель советских будней. Обобщающая финальная фраза с художественно безупречным перечислительным рядом, составленным из ритмических бинарных единств с антонимическим отношением, становится аттрактором, придавая агрессивно-пародийному залпу особую «изысканность».

Положение в экономике страны лапидарно, уничижительно-ёрнически представляют два алогизма с приёмом ложной аргументации: *«До революции область в изобилии производила мясо, масло, овощи, фрукты и хлеб, в общем – была отсталой сельскохозяйственной. После революции всё это исчезло, и область поэтому стала считаться передовой промышленной»* (С. 171).

В лейтмотиве фатального краха коммунизма звучит ещё один лейтмотив: неоднозначная **роль Запада**. С одной стороны, это миф об агрессии России по отношению к Западу. Горбачёва «скинули» *«За то, что слишком узкую дверь открыл на Запад. **Танки через неё не проходили, ракеты застревали**»* (С. 13). *«В прошедший период разрядки международной напряжённости страна закупила в США завод по производству джинсов. И теперь она успешно конкурирует с США, правда – не по джинсам, а по чехлам для танков, самолётов и ракетных установок»* (С. 33). – Автор обвиняет СССР и в элементарном воровстве (**приём дисфемизации**): *«Построили предприятие по освоению **сворванной на Западе** новейшей технологии»* (С. 34). Ёрнически, имитируя стиль жанра бесстрастной статистической отчётности, с цифровыми выкладками (**приём жанровой стилизации**), автор делает заключение об отставании СССР от Запада **«в технологическом аспекте преступности»**: *«Застойный период тут сказался сильнее, чем в других сферах*

строительства коммунизма. <...> Только за шесть месяцев накануне перестройки в городе было прибито кирпичом по голове 137 человек. Из них 50 не было добито до конца из-за плохого качества кирпича. За это время было заколото отвёрткой, ножницами, вилкой... 207 человек, задушено верёвкой, ремнём, чулком и другими предметами 48 человек... **И лишь один случай покушения с пистолетом!** <...> Одним словом, с точки зрения экономической эффективности и технологической оснащённости наших преступников, мы не можем конкурировать с Западом» (С. 112–113). Далее приводятся данные «**прогресса преступности**» в годы перестройки. Преступность объявлена одной из сфер строительства коммунизма. Этим не только обесценивается, но и обесмысливается целая эпоха российской истории.

Ещё одним аспектом отношений между Россией и Западом автор называет психологию пресмыкательства перед Западом (термин Зиновьева «западничество»): вечная оглядка на него, **ощущение его превосходства и собственной неполноценности.** «В Партграде можно было открыть Америку или атом, изобрести велосипед или даже автомобиль, но человечество всё равно не обратило бы на это внимания. И сами партградцы знали это лучше других. <...> Даже открыв Америку или изобретя автомобиль, они сочли бы это пустяком в сравнении с изобретением приборчика для прокалывания яичной скорлупы в <...> Германии» (С. 21). Как будто действуя по инструкции одного из идеологов информационно-психологической войны против России, А. Даллеса [Лисичкин, Шелепин, 2013: 90], реформаторы с энтузиазмом принялись разрушать культурные достижения страны. Была поставлена задача «**вывести Партград в число ведущих культурных центров страны. Решили предоставить артистам полную свободу творчества.** <...> Пусть вытворяют, что хотят! Пусть критикуют кого и как хотят! Пусть голых баб и мужиков показывают! Пусть постельные сцены показывают! Чем бездарнее и грязнее, тем лучше» (С. 155).

Партийные боссы присутствуют на просмотре фильма «*Пошёл ты в жопу!*», «созданного в условиях полной свободы творчества. Само это название произвело сенсацию в мире искусства и его поклонников <...> критики объявили его самым выдающимся шедевром за всю историю советского кино. <...> Это был действительно шедевр, но шедевр бездарности, пошлости, скабрёзности, хамства, распущенности и претенциозности. <...> – Из устаревших западных достижений взято всё самое худшее. Всё это перемешано хаотически. Плюс к тому порнография, идиотизм, идейное убожество. Одним словом, не просто плохо, а мразь». В итоге комиссия признала фильм «дрянным», «но

вполне в духе перестройки. <...>В зале после этого поднялся рёв восторга. Аплодировали стоя. На сцену вызывали создателей фильма. Их засыпали цветами». А члены комиссии согласились на том, что «если уж делать дерьмо, то в этом отношении мы можем **перегнать Запад в два счёта. Одним словом, додерьмим и передерьмим Запад в культуре...**» (С. 160). Перифраз стратегического лозунга советской идеологии «догнать и перегнать» с заменой нейтральной лексики окказионализмами с сохранением словообразовательной структуры, но с заменой нейтральной стилевой окраски на экспрессивно-бранную выступает эффективным средством сатиры в контексте культурной (вернее, антикультурной) политики эпохи перестройки. Организующим средством сатирического оценочного высказывания выступает **оксюморон** (*шедевр бездарности...*).

Более сложные способы дискредитации – через использование специфических **композиционных приёмов**: сна, слуха (молвы). Онтологическая иррациональность сна легитимирует отмену всяческих табу: языковых, этических. Сочинение завершается описанием сна одного из протагонистов повести – Сусликова. С помощью композиционного приёма сна подытоживается повествование с целью ещё раз, издевательски-абсурдистски, в чисто физиологических терминах, показать бессмысленность и противоестественность перестройки в России, её философии и идеологии, никчёмность её акторов. Стилизация под речь «человека из народа» (просторечная лексика, вульгаризмы) призвана придать авторскому заключению характер окончательного приговора всем реформаторски-перестроечным структурам и деяниям от лица всего российского народа. Рикошетом грязью обливается и философия коммунизма, и опыт его построения в России. Ещё раз звучит тема информационно-пропагандистской, деструктивной роли Запада в подготовке катастрофы.

Сусликову «приснился самый радостный в его жизни сон. Он увидел родной Партград, переименованный в Сусликовград. Город представлял собою гигантскую, розовую и пышущую здоровьем Жопу. На ней золотыми буквами блеснул фундаментальный постулат суслизма, ставшего государственной идеологией вместо марксизма: “Жопа первична, голова вторична”. Поверх его высился бронзовый бюст Сусликова ... На лысом лбу Сусликова красовалось знаменитое на всю Вселенную русское слово из трёх букв, признанное главным словом для всех языков. В центре Жопы зияла чёрная дыра, через которую на Запад исторгалось всё то дерьмо, которое накопилось в Партграде за все годы советской истории. Дерьмо исторгалось с тем самым **ускорением**, на какое и рассчитывали **инициаторы перестройки**. А на Западе с наслаждением глотали это дерьмо и прославляли перестройку и её вдохновителей, – горбачёвых, сусликовых, крутовых, корытовых,

маодзедунк» (С. 181). Экспрессия беспощадно-агрессивной сатиры достигается совокупностью выразительных средств: абсурдистски-вульгарным сравнением; комично звучащим окказионализмом-топонимом; перефразированным философским постулатом; помещением философского термина «постулат» и ключевого термина перестройки «ускорение» в контрастирующий контекст со сниженно-стилевой окраской; перифразой для известной инвективы; приёмом антономазии. На всей советской истории ставится оценочное, троекратно повторенное клеймо «*дерьмо*».

Композиционный приём **слухов** выполняет в сочинении ряд функций в рамках стратегий дискредитации и дегероизации. Ранее приводились примеры использования автором приёма с целью представить источником информации анонимного коллективного субъекта, тем самым повышая достоверность и укоренённость информации хотя бы у части читательской аудитории. Способом «от противного» утверждается радикальность принципа лживости в СССР: *«В советском обществе слух стал способом распространения правдивой информации. <...> К общечеловеческим функциям слухов здесь присоединяются специфически-коммунистические, а именно – они становятся формой коллективного сознания, творчества и поведения»* (С. 188). Под маской слухов автор понижает до уровня скабрёзной байки героическую победу России в Первой Отечественной войне. Причиной позорного бегства Наполеона из Москвы неверным путём, ёрничает автор, стали-де *«слухи, будто партградцы питаются сушёными тараканами, дают клопов и пьют их кровь. И это ещё более усиливало страх иноземных захватчиков перед неведомой Россией»* (С. 27).

Патологическая ненависть автора к Горбачёву (отсутствие у него твёрдых убеждений и принципов, склонность к соглашательству, неумелая политика, наконец, влияние на его политическую деятельность жены) ещё раз проявилась в отношении последнего к церкви: *«Наконец, пронёсся слух, будто Горбачёв окрестился, чтобы привлечь православную церковь на сторону перестройки, затем сделал обрезание, чтобы завоевать симпатии американских евреев и Израиля, и по настоянию супруги-мусульманки перешёл в магометанскую веру, чтобы завоевать на свою сторону весь арабский мир»* (С. 101–102). Карикатурность изображения недавнего главы государства переросла в злобную инсинуацию.

Близкий к слухам приём, имитирующий достоверность событий и фактов – намёк на наличие разных источников. Таким образом дискредитируется понятие «большевик»: *«После окончания войны в Партграде появились большевики. По одним сведениям они пришли из голодающей Москвы, по другим – возникли из собственных дезертиров, прятавшихся в болотах ещё с 1914 года»*. Усиливая мысль об отсутствии за словом «большевик» идейного

содержания, автор с иронией пишет, что в ответ на «*ленинский призыв*» в партию начали вступать все. «*После окрика Москвы ... все без разбора стали покидать партию*» (С. 29–30).

Вершиной языкового абсурдизма, приписывающего россиянам коллапс сознания, утрату способности к здравомыслию как следствие перестройки, автор представляет отношения общества и церкви. «*В ведение попов передали монастырь имени Ленина, в котором помещался музей атеизма*». На его открытии «*говорили о том, что пора начать перестройку в Ватикане, что пап надо выбирать..., – не обязательно из католиков и даже необязательно из верующих, что пора наконец-то на пост папы выбрать советского человека. Все сошлись на том, что первым советским папой должен стать сам Горбачёв или в крайнем случае Ельцин. Последний даже лучше, так как он сейчас фактически безработный. А перестройку в Ватикане он устроит такую, что там через год забудут, как нужно креститься*» (С. 101). Острота сатирического эффекта достигается рядом средств: абсурдностью самого события; сочетанием абсурдности события с именами реальных исторических персонажей и с тональностью объективного сообщения; противоречием, несовместимостью понятий; градацией по типу климакса; алогичностью аргументации; иронической гиперболой в финальной части.

Существенным инструментом язвительно-сатирической характеристики властных структур России эпохи Советов и перестройки на протяжении всей книги служит **ЯЗЫК**. Прежде всего, острие сатиры направлено на советизмы – идеологические штампы: *прогнанный Запад; преданный идеалам коммунизма член партии; в ответ на решения ЦК КПСС; западное тлетворное влияние / тлетворное влияние Запада / продажная западная пресса; генеральная линия партии; оправдать высокое доверие партии и др.* Косвенным выражением негативной реакции «народа» на реформы служит простейшая языковая игра: «*специфически перестроечные выражения вроде “морду перестроить”, “дать в глазность”, “пороть горбачушь”*» (С. 72).

Речь партийно-государственных мужей «по определению» безграмотна: «*<...> Сусликов за всю свою сознательную жизнь не произнёс ни одной грамматически правильной фразы. И дело тут не в некоей необразованности. <...> Говорить грамматически неправильно есть качество профессионального партийного работника*» (С. 11). Евдокия Тимофеевна Тёлкина, «*ставшая впоследствии заведующей сельскохозяйственным отделом обкома партии и прозванная Маодзедунькой <...>, высказала крылатую фразу...: “В нынешнем году, – сказала она, – наш урожай в США обещает быть хорошим”*» (С. 33). Словесные «креативы» Маодзедуньки – выражения

«*доильница страны*» (по аналогии с «житницей страны» (С. 53), «*ихние Бетховены и Пикассы*» (С. 47). Её же риторический перл: «*Кролики плодятся быстро, как кролики*» (С. 171). Пример риторической беспомощности в речи партийного босса, торжественно объявившего, что «*Партград находится в недрах народа, в толще народа, в гуще народа*» (С. 52).

Бывший секретарь по идеологии, назначенный деканом, пытаясь придать своей речи видимость научности, но оставаясь в плену привычного бюрократического «деревянного» языка, вещает о социалистическом соревновании «*за звание города, в котором произошло укушение князя Олега змеем и удушение бывшей царицы Марьи*» (С. 22). Речевой перл представителей органов правопорядка представлен цитатой из милицейского протокола: грабитель «*покинул магазин через “задний проход”*» (С. 137). О невысоком интеллектуальном уровне главы областной парторганизации Кобытова свидетельствует его потуга на речевую креативность, когда он иронически отзывается о работах партградских «*пикассят*» и «*пикассих*» (С. 155).

Низкий уровень владения русским языком, в частности, в области паремий, демонстрирует речевая ошибка секретаря обкома в ситуации поисков «козла отпущения»: «*На совещании в обкоме партии долго искали подходящую кандидатуру, такую, чтобы и волки остались целы, и овцы были сыты (так по ошибке перефразировал старую поговорку сам Крутов...)*». Концовка фразы «*<...>но именно в такой форме она отвечала сути проблемы*» (С. 108) свидетельствует о том, что налицо не ошибка, а экономный и эффективный приём для создания образа коррупционной машинерии представителей разных правящих кланов.

Гротескно-пародирующей квинтэссенцией отношения партийно-государственной элиты к языку служит инструкция секретаря ЦК Кобытова работникам пера. Автор, пародируя образцы «языковой политики» безграмотных и безнравственных идеологов, пусть и от их имени, не просто потешается, но глумится над русским языком. Ключевая идея: «*Раз мы начали мыслить и жить по-новому, то нам надо осуществить перестройку и в языке*». Посоветовав назвать журнал не «*Партградская тряпина*», а «*В жопе России*», партийный идеолог сопроводил революционное предложение пространным «философским» обоснованием, изобличающим российскую псевдоэлику с её убогими представлениями о языке как главном инициаторе катастрофического падения культуры русской речи: «*В обычной жизни мы без мата и скабрёзностей шагу ступить не можем. Но стоит кому-то в печати или в публичной речи употребить невинное словечко вроде “жопа”, как*

подымается буря нравственного негодования. Во избежание обвинений в безнравственности нам приходится точные и выразительные слова... заменять ужасающе серыми, скучными и туманными их синонимами. <...> В этой связи слово “жопа” заслуживает особого внимания. В неофициальном языке оно достигло степени общности и универсальности, позволяющей поставить его в один ряд с такими философскими категориями, как “материя”, “сознание”, “пространство”, “время”, “движение”. <...> После того как мы реабилитируем слово “жопа”, можно будет взяться и за всемирно знаменитое русское ругательство из трёх букв. Я уверен, что оно войдёт во все языки мира наряду со словами “спутник”, “перестройка”, “гласность”» (С. 156). В контексте заключительного перечислительного ряда слово «спутник», символизирующее всемирно признанные достижения СССР в области космонавтики, понятийно деградирует: ещё и ещё раз проявляется воинственная агрессия автора по отношению к стране, её истории и народу.

В целом, сочинение А.А. Зиновьева, несмотря на гиперболы экспрессии, оставляет гнетущее впечатление. Русский народ объявлен «внеисторическим». И героические мифы далёкой, и героика недавней истории подвергнуты безудержному осмеянию. Русский этнос представлен как безынициативный, безропотно принимающий во все эпохи, от крепостничества до «посткоммунизма», эксперименты властей всех мастей, изначально ведущий *скотский* образ жизни (доминирующие понятия «грязь», «дерьмо», «свинство»). Из всего цветового спектра представлены чёрный и серый. Обонятельная сфера представлена лексемой «вонь» (не патриотическое сопротивление, а она избавляет от татаро-монгольского ига). Наполеон избрал неверный путь отступления и потерпел полный крах из страха встретиться с людьми, которые, по слухам, «*питаются сушёными тараканами, давят клопов и пьют их кровь*». Этот народ во все времена беспробудно пьёт от радости и с горя. Валяющиеся в уличной грязи пьяницы – опознавательный знак, доминанта мира русского этноса. Русский народ потихоньку ворует у Запада передовые технологии, пробирается на Запад в поисках вожаковой жевательной резинки, без боя сдаёт свои великие национальные достижения, бездумно принимая навязываемые ему западные ценности за истинное мерило новой, «прогрессивной» культуры. У этого народа, этой страны не было настоящей истории, нет достойного настоящего, закрыт путь в лучшее будущее.

Любопытно, что в книге встречается осуждающая оценка автором избранного им способа представления давней и недавней истории России (насмешка, осмеяние, сатира): в смутное время перестройки началось «*такое мазохистское саморазоблачение и самобичевание, что даже самые злобные антикоммунисты и антисоветчики растерялись*».

<...> *Все старались превзойти друг друга в оплёвывании прошлого и в очернении всего сделанного за послереволюционные годы*» (С. 125–126). Молодые люди распространяли воззвание, начинавшееся эмфатическим риторическим вопросом «*Неужели всё пережитое нашей страной есть лишь чёрный провал в истории?!*» и заканчивалось призывом: «*Защитим дело Ленина и Сталина от предателей!*». В основной части листовки перечисляются все те завоевания, которые хочется предъявить автору книги в ответ на его осквернение всего и вся. Создаётся впечатление, что появившееся на миг озарение и раскаяние автор заглушил, уничтожил, призвав на помощь... Нострадамуса! В ответ на воззвание юных неосталинистов не случилось никакой «контрреволюции». Только «*на толкучке стали продаваться уцелевшие бюсты, портреты и сочинения Сталина. Причём, дороже, чем книги эмигрантских писателей... Дороже была лишь книга Нострадамуса, якобы предсказавшего перестройку, но почему-то забывшего предсказать, чем она кончится*» (С. 125). В ироническом резюме автора звучит безысходность: Россия не имеет будущего, т.к. её народ не способен сам вершить свою судьбу.

В художественных средствах комического нет юмора (разве что одиночные примеры чёрного юмора: «*Автобус промчался мимо магазина для слепых, называемого “Рассвет”, и магазина ножных протезов, называемого “Скорход”. Люди не замечали мрачного юмора в них. <...>Такой заботы о слепых и безногих, как у нас, вы нигде в мире не увидите*» (С. 144). Доминируют смеховые жанры абсурда, буффонады, пародии, гротеска, карикатуры, шаржа, иронии. Способами реализации главенствующих коммуникативно-прагматических стратегий дискредитации и дегероизации выступают тактики фальсификации фактов истории, доведения до абсурда, шаржирования, детабуизации, перевода социального, общественно значимого в бытовую плоскость приёмом «физиологизации», с использованием описаний снов, слухов и жанров фольклора. Сатирические эффекты усиливаются приёмом *интерстилевого тонирования текста* [Чудинов 2012: 118–120]. Знание биографического факта (Зиновьев занимался в качестве хобби изобразительным искусством, особенно в жанре сюрреализма) даёт ключ к объяснению идиостиля автора и позволяет определить его как «вербализованный сюр».

Дискредитация фактов, личностей, идей; нигилизм и очернительство всего, всех и вся; гротескно-пародирующая сатира без намёка на позитив порождают только пессимизм, апатию, парализуют волю к поиску истинного перелома, истинной перестройки образа мыслей, к гражданской активности. Это яркий пример информационно-психологической агрессии, пробивающей брешь в сознании читателей, порождающей сомнения в

устойчивости критериев национальной самоидентификации народа. Поэтому к **этому сочинению** бесспорно приложимо понятие **информационно-психологической войны**. Пусть и не желая того, автор прочно встал в ряды тех, которые, по его же выражению, «целились в коммунизм, а убивали Россию» [Зиновьев 2007: 259]. Дело литературоведов оценивать степень художественности сочинения. Но создаётся впечатление, что радикально-критическая публицистика А. Зиновьева проявила агрессию и по отношению к художественной литературе, воспользовавшись её выразительными ресурсами.

Список литературы

- Балашова Ю.Б. Ценностные ориентации в эпоху перемен (публицистика перестройки) // Русская публицистика в духовно-нравственной жизни общества: идеалы и ценности. СПб: Изд-во С.- Петерб. ун-та, 2014. С. 182–196.
- Директива Совета Национальной Безопасности США 20/1 от 18 августа 1948 года из сборника Thomas H. Etzold and John Lewis Gaddis, eds., Containment: Document on American Policy and Strategy, 1945–1950 NSC 20/1. С. 173–203
- Зелинский С.А. Анализ массовых манипуляций в России. СПб: Издательско-торговый Дом СКИФИЯ, 2008. 280 с.
- Зиновьев А.А. Исповедь отщепенца. М.: Вагриус, 2005. 560 с.
- Зиновьев А.А. Катастрожка. Повесть о перестройке в Партграде // А.А. Зиновьев. Смута. Келвори, Москва, 1995. С. 5–183.
- Зиновьев А.А. Русская трагедия. М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2007. 608 с.
- Кравченко О. В. Явления языкового абсурда в художественных текстах. Дисс. канд. филол. наук. Таганрог, 2010. 180 с.
- Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием-2. М.: Эксмо: Алгоритм, 2009. 528 с.
- Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности vs новые возможности: монография / отв. ред. Н.В. Ковтун. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 576 с.
- Левин Ю.И. О семиотике искажения истины // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: «Языки русской культуры». 1998. С. 594–605.
- Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 448 с.
- Мединский В.Р. Мифы о происхождении русского народа и русского государства // Российская государственность и современность: проблемы идентичности и исторической преемственности: сб. докладов. М.: РИСИ, 2012. С. 101–114.
- Мединский В.Р. О русской демократии, грязи и «тюрьме народов». М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013. 624 с.
- Новиков В.К. Информационное оружие – оружие современных и будущих войн. М.: Горячая линия Телеком, 2011. 264 с.
- Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л.Н. Тимофеевой. М.: РОССПЭН, 2012. 327 с.
- Расторгуев С.П. Философия информационной войны. М.: Московский психолого-социальный институт, 2003. 496 с.
- Самохвалова В.И. Специфика современной информационной войны // Идеология и процессы социальной модернизации. Сб. статей / Под общей редакцией Т.Б. Любимовой. М.: Academia, 2013. С. 184–219.

Сковородников А.П. Алогизм // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 33–38.

Токарева Е. Кто подставил Ходорковского? М.: Яуза, 2006. 400 с.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2012. 256 с.

References

Balashova YU.B. TSennostnye orientatsii v ehpokhu peremen (publitsistika perestrojki) [Valuable orientations during an era of changes (reorganization journalism)]. *Russkaya publitsistika v dukhovno-nravstvennoj zhizni obshchestva: idealy i tsennosti The Russian journalism in spiritual and moral life of society: ideals and values*. SPb: Izd-vo S.- Peterb. un-ta, 2014. Pp. 182–196.

Direktiva Soveta Natsional'noj Bezopasnosti SSHA 20/1 ot 18 avgusta 1948 goda iz sbornika Thomas H. EtzoldandJohnLewisGaddis, eds., Containment: DocumentsonAmericanPolicyandStrategy, 1945–1950 NSC 20/1. Pp. 173–203.

Zelinskij S.A. Analiz massovykh manipulyatsij v Rossii [The analysis of mass manipulations in Russia]. SPb: Izdatel'sko-torgovyj Dom SKIFIYA, 2008. 280 p.

Zinov'ev A.A. Ispoved' otshchepentsa [Ispoved of the turncoat]. M.: Vagrius Publ., 2005. 560 p.

Zinov'ev A.A. Katastrojka. Povest' o perestrojke v Partgrade [Katastroyk. The story about reorganization in Partgrad]. A.A. Zinov'ev. Smuta. Kelvori, Moskva, 1995. Pp. 5–183.

Zinov'ev A.A. Russkaya tragediya [Russian tragedy]. M.: Izd-vo Algoritm, Izd-vo EHksmo, 2007. 608 p.

Kravchenko O. V. YAvleniya yazykovogo absurda v khudozhestvennykh tekstakh [The phenomena of language absurdity in literary texts]. Diss. kand. filol. nauk. Taganrog, 2010. 180 p.

Kara-Murza S.G. Manipulyatsiya soznaniem-2 [Manipulation of consciousness-2]. M.: EHksmo: Algoritm Publ., 2009. 528 p.

Krizis literaturotsentrizma. Utrata identichnosti vs novye vozmozhnosti: monografiya [Crisis of literature centrism. Loss of identity vs new opportunities: monograph]. Otv. red. N.V. Kovtun. M.: FLINTA: Nauka Publ., 2014. 576 p.

Levin YU.I. O semiotike iskazheniya istiny [About semiotics of distortion of the truth]. Levin YU.I. *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika* [Chosen works. Poetics. Semiotics]. M.: «Yazyki russkoj kul'tury» Publ.. 1998. Pp. 594–605.

Lisichkin V.A., Shelepin L.A. Tret'ya mirovaya (informatsionno-psikhologicheskaya) vojna [The Third world (information and psychological) warfare]. M.: Izd-vo EHksmo, 2003. 448 p.

Medinskij V.R. Mify o proiskhozhdenii russkogo naroda i russkogo gosudarstva [Myths about the origins of the Russian people and the Russian state]. *Rossijskaya gosudarstvennost' i sovremennost': problemy identichnosti i istoricheskoy preemstvennosti: sb. dokladov* [The Russian statehood and the present: problems of identity and historical continuity: reports]. M.: RISI Publ., 2012. Pp. 101–114.

Medinskij V.R. O russkoj demokratii, gryaze i «tyur'me narodov» [About of the Russian democracy, dirt and "prison of the people"]. M.: ZAO «OLMA Media Grupp» Publ., 2013. 624 p.

Novikov V.K. Informatsionnoe oruzhie – oruzhie sovremennykh i budushchikh vojn [The information weapon – the weapon of modern and future wars]. M.: Goryachaya liniya. Telekom Publ., 2011. 264 p.

Politicheskaya kommunikativistika: teoriya, metodologiya i praktika [Political kommunikativistika: the theory, methodology and practice]. Pod red. L.N. Timofeevoj. M.: ROSSPEHN Publ., 2012. 327 p.

Rastorguev S.P. *Filosofiya informatsionnoj vojny* [Philosophy of information warfare]. M.: Moskovskij psikhologo-sotsial'nyj institute Publ., 2003. 496 p.

Samokhvalova V.I. *Spetsifika sovremennoj informatsionnoj vojny* [Peculiarities of modern information warfare]. *Ideologiya i protsessy sotsial'noj modernizatsii. Sb. statej* [Ideology and processes of social modernization. Reports]. Pod obshchej redaktsiej T.B. Lyubimovoj. M.: Academia Publ., 2013. Pp. 184–219.

Skovorodnikov A.P. *Alogizm* [Alogizm]. *Kul'tura russkoj rechi: EHntsiklopedicheskij slovar'-spravochnik* [Culture of the Russian speech: The encyclopedic dictionary reference]. Pod red. L.YU. Ivanova, A.P. Skovorodnikova, E.N. SHiryayeva i dr. M.: Flinta: Nauka Publ., 2003. Pp. 33–38.

Tokareva E. *Kto podstavil KHodorkovskogo?* [Who let down Khodorkovsky?] M.: YAuz Publ., 2006. 400 p.

SHudinov A.P. *Politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie* [Political linguistics: a study book]. M.: Flinta: Nauka Publ., 2012. 256 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Бернацкая Ада Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации

Сибирский федеральный университет

Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79

E-mail: bern1940@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Bernatskaya Ada Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Russian Language, Literature and Speech Communication

Siberian Federal University

79 Svobodny prospect, Krasnoyarsk 660041 Russia

E-mail: bern1940@mail.ru